

А. Р. Корсунский

О ПОЛОЖЕНИИ РАБОВ, ВОЛЬНООТПУЩЕННИКОВ И КОЛОНОВ В ЗАПАДНЫХ ПРОВИНЦИЯХ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ В IV—V ВЕКАХ*

В противоположность идеалистическим концепциям развития рабства и колоната буржуазной историографии, марксистская историческая литература рассматривает эволюцию институтов рабства и колоната в Римской империи как проявление объективной закономерности развития общества от рабовладельческого строя к феодальному, как проявление действия экономического закона обязательного соответствия производственных отношений характеру и уровню производительных сил. Однако некоторые важные стороны процесса разложения рабской системы хозяйства и зарождения феодальной не получили еще исчерпывающего освещения. Относительно интенсивности этого процесса, удельного веса в экономике Поздней империи рабства, с одной стороны, колоната, с другой, существуют противоречивые мнения; недостаточно изучен вопрос об особенностях процесса отмирания рабства и развития колоната в различных частях империи.

Данная статья представляет собой попытку проследить главные черты процесса развития институтов рабства и колоната с III по V в. в западных провинциях поздней Римской империи (главным образом в Галлии, Италии и Испании) на основании источников, непосредственно относящихся к данным провинциям. К таким источникам можно причислить законы кодексов Феодосия и Юстиниана, касающиеся западной части империи, и сборники законов, изданные в варварских государствах, образовавшихся в V в. в указанных странах — Бревиарий Алариха (или *Lex Romana Visigothorum*), Римская Правда бургундов, Эдикт Теодориха. В эти кодексы, составленные в конце V и начале VI в. для местного населения Галлии, Испании и Италии, вошли почти исключительно ранее изданные римские законы, но мы можем считать, что они отражают отношения, характерные для IV—V вв. Составители кодексов, как они сами указывают, отбирали те старые законы, которые казались им соответствующими современным условиям¹. Кроме того, в статье использованы литературные источники местного происхождения (произведения Симмаха, Сидония Аполлинария, Сальвиана, некоторые хроники, постановления церковных соборов Галлии и Испании и др.).

* В дискуссионном порядке. *Ред.*

¹ См. Вр. СTh, I, 4, 1 Int.; ... quae necessaria causis praesentium temporum videbantur, eligimus.

I. *Рабы*. Относительно роли и значения рабства в последний период существования империи в советской историографии высказывались различные мнения. Н. А. Машкин считал, что, несмотря на развитие феодальных отношений, римское государство и в этот период времени оставалось в основе своей рабовладельческим¹. По мнению же В. С. Сергеева, уже во II—III вв. «...наметились основные линии перехода рабовладельческого Рима в крепостной, каковым он представляется нам в последние века Римской империи»². Подобной же точки зрения придерживается Е. М. Штаерман, которая полагает, что в III в. была уже оформлена «...победа нового экономически господствующего класса крупных землевладельцев, эксплуатирующих непосредственного производителя, наделенного средствами производства и прикрепленного не к господину, а к земле, т. е. уже не являющегося рабом» (ВДИ, 1953, № 2, стр. 77).

Точку зрения В. С. Сергеева и Е. М. Штаерман по данному вопросу можно кратко сформулировать следующим образом. С III в. главную роль в экономической жизни вместо раба начинает играть колон. В крупных поместьях рабов используют лишь в качестве домашней прислуги и ремесленников или же фактически в качестве колонов. Экономическое и юридическое положение рабов меняется коренным образом. Они самостоятельно ведут свое хозяйство, распоряжаются своим имуществом. Власть господ над рабами ограничивается, социальный вес рабов растет.

Исходные положения упомянутых авторов — развитие колоната, распространение практики наделения землевладельцами части рабов землей и ведение рабами самостоятельного хозяйства — не могут оспариваться. Очевидно также, что указанные явления знаменуют начало разложения рабовладельческой системы хозяйства. Но нет оснований считать, что этот процесс зашел в Поздней империи так далеко, как предполагают В. С. Сергеев и Е. М. Штаерман. Источники свидетельствуют, что, несмотря на развитие колоната, рабство продолжало еще играть важнейшую роль в экономической жизни Западной империи (IV—V вв.).

Не касаясь вопроса о значении рабского труда в приходивших в упадок промышленности и торговле, остановимся на удельном весе рабов в сельском хозяйстве, которое являлось в то время главной отраслью народного хозяйства. Законодательные положения, касающиеся самых различных сторон государственного и частного права, исходят из положения, что важнейшей частью имущества являются рабы. В понятие оборудованного поместья в начале IV в. юристы включают рабов, в то время как другие ряды рабочего населения поместий в этом случае не упоминаются (СI, X, 10, 2). Как неотъемлемая часть имущества рабы рассматриваются в IV—V вв. в конституциях, касающихся завещаний (Br. P., III, 9, 27), порядка конфискации имущества (Br. CTh, XII, 1, 6), дарений (СI, VIII, 56, 6), раздела поместий между наследниками (СI, III, 38, 11) и т. д. Конституции, упоминающие по различным поводам рабочее население поместий, также видят в рабах непрременную составную часть этого населения (СTh, XII, 1, 16; 19, 1; N. Val., XXXI, 6; N. Mai., VII, 1 и др.).

Магнаты являлись собственниками сотен и тысяч рабов. В поместьях знатных галло-римлян, епископов, согласно описанию Сидония Аполлинария, обязательно находились рабы³. Аналогичные упоминания можно

¹ Н. А. М а ш к и н, История древнего Рима, 1947, стр. 569, 580.

² В. С. С е р г е е в, Очерки по истории древнего Рима, II, М., 1938, стр. 618.

³ Sid. Apoll., Ep. IV, 9: ... servat illaeram domino domus par pudicitiam; servi utiles, rustici morigeri, urbani amici obaedientes patronoque contenti; также Ep. IV, 5 и 24.

найти в произведениях Симмаха (Rel., XXVIII, 3; Ep. IX, 6; IX, 140), Сальвиана (De gub. dei, IV, 3) и других современных авторов¹.

Имеются данные источников об использовании рабов и в поместьях средних и мелких землевладельцев, курялов, крестьян, ветеранов, колонов².

Рабы являлись также неизменной принадлежностью доменов фиска. Земли фиска раздавались, как правило, вместе с рабами (Br. CTh, X, 1, 1). Источники упоминают о том, что частные лица переводили рабов из доменов фиска в свои поместья (CTh, XI, 1, 12, 365 г.). Рабов имеют также клирики³, монастыри (Conc. Agath., C. 56), церкви⁴. Характерно, что церковное землевладение, которое складывалось в основном в период Поздней империи и могло бы усвоить наиболее передовые формы хозяйства, т. е. основываться на труде колонов, также широко применяет труд рабов.

О значительном весе рабов в экономике Поздней империи свидетельствует и огромное внимание, уделяемое рабам законодательством IV—V вв. В официальном праве и в литературных источниках много места занимают положения, касающиеся торговли сервами, розыска беглых рабов, порядка отпуска сервов на свободу, правового статуса рабов⁵. Если учесть, что законодательство Поздней империи отражало в основном интересы крупных землевладельцев, то место, занимаемое в официальном праве сервами, несомненно свидетельствует о большом значении рабского труда в хозяйстве магнатов.

В IV—V вв. существовали еще обильные и многообразные источники рабства. Правда, военнопленные теперь не всегда становились рабами. Их чаще расселяли на территории империи в качестве колонов, федератов (CTh, V, 4, 3). Вдобавок, империя в эту пору уже неспособна была вести активную завоевательную политику. Но нет оснований утверждать, подобно Е. М. Штаерман, что войны с конца II в. вообще уже давали не рабов, а лишь колонов. Военнопленные и в период Поздней империи нередко использовались как рабы. Автор III в., рассказывая о победах Клавдия, отмечает, что после этого не осталось области, которая не имела бы готских рабов (SHA, Claud., 9).

В V в. продолжала существовать торговля рабами (Br. CTh, IX, 14, 1; Symm., Ep. II, 78 и др.). Существенным источником рабства оставалось обращение в рабство свободных людей. Нужда и голод заставляли свободных людей продавать самих себя и своих детей в рабство (Br. P., V, 5, 1; Br. CTh, IV, 8, 2 и др.). Сервами становились также дети от браков свободных и рабов (Br. CTh, IV, 8, 3; LR Burg., XXXVII, 5). Обращение в рабство было наказанием за некоторые преступления (Br. P., III, 9, 13; CTh, IX, 6, 1 и др.).

Следует также учесть, что естественный прирост несвободного населения в ту эпоху, когда несколько укрепилась рабская семья и часть сервов стала вести самостоятельное хозяйство, также должен был увеличиться. Таким образом, землевладельцы и в IV—V вв. имели в значительной мере из числа рабов.

¹ См. также SHA, Procul., XII; Pallad., Hist. Laus., CXIX; PG, т. 34; Br. P., IV, 13, 14.

² CTh, XII, 1, 6; II, 30, 1; CI, XI, 54, 2; Paulin., Pellaei Euch., v. 187; CTh, VII, 20, 8. Symm., Rel. XXVIII, 3; Ep. IX, 140; Ed. Th., § 150.

³ Br. CTh, V, 4, 7; Br. N. Val., XXXV, 6; Sid. Apoll., Ep., IV, 24; Conc. Aurel. II, C. 32.

⁴ Conc. Aurel., C. 15; Conc. Auris., C. 6; cp. Greg. I, Regist., IX, 98 и 123.

⁵ CTh, XI, 3, 2; 47, 7; Br. P., II, 18, 3; Ed. Th., § 142; Symm., Ep. IX, 140; 121; Salv., De gub. dei, IV, 3. Conc. Auris., C. V, VI и др.

Источники не дают возможности составить полное представление о роли рабов и о соотношении веса сервов, либертинов и колонов в производстве, о формах использования рабского труда. Но, как известно, экономическое положение Западной империи в IV—V вв. (сокращение торговых сношений, упадок городов, тенденция к развитию натурального хозяйства) вело к тому, что крупное хозяйство латифундий становилось все менее рациональным. Значительное распространение снова получает мелкое хозяйство. Землевладельцы делят свои поместья или часть поместья на участки, которые дают для обработки рабам и другим земельным держателям, собирая затем с них оброк. Источники упоминают о наличии рабов, посаженных на землю, в позднеримском поместье (Symm., Ep. IX, 6; CTh, IX, 42, 7). Однако подобная форма использования рабов в сельском хозяйстве отнюдь не являлась в Поздней империи всеобщей. Она совмещалась с применением рабов старым способом и в земледелии, и особенно в скотоводстве и садоводстве. Нельзя согласиться также и с утверждением Е. М. Штаерман, что в рассматриваемый период времени рабы использовались плантационным способом лишь в среднем землевладении, а крупное землевладение основывалось на труде колонов (ВДИ, 1951, № 2, стр. 102). Источники свидетельствуют о том, что и в IV—V вв. в крупных поместьях, как светских, так и церковных, в монастырях, имелись рабы, специально предназначенные для различных сельскохозяйственных работ в господской части поместья. К несвободному рабочему населению крупных имений источники причисляют не только рабов ремесленников и министералов, но и рабов пахарей, свинопасов и т. д.¹

Упоминания у Аммиана Марцеллина об огромных свитах из рабов, сопровождающих повсюду знатных лиц (XIV, 6), на которые ссылается Е. М. Штаерман, подтверждают лишь тот неоспоримый факт, что дворня магнатов состояла из рабов. Но эта ссылка отнюдь не исключает использования рабов также и в качестве сельскохозяйственных работников. Так же необоснованно и замечание Е. М. Штаерман, что хозяйство, описываемое Палладием, не обслуживалось рабами (там же, стр. 102). В трактате Палладия, как известно, нет прямых указаний на состав рабочего населения поместья, но Е. М. Штаерман полагает, что данное хозяйство не могло базироваться на труде рабов, поскольку Палладий отрицательно о них отзывается. В действительности Палладий лишь высказывает свое мнение о том, как лучше обходиться с рабами, учитывая их особенности², и данное положение отнюдь не исключает применения рабов в господской части поместья³. Е. М. Штаерман полагает, что эта часть поместья обрабатывалась колонами, выполнявшими свои повинности. Но это также не подтверждается источником. Замечание Палладия о сроках производства сельскохозяйственных работ, которое истолковано Е. М. Штаерман как упоминание об отработочных днях колонов, в действи-

¹ Br. CTh, II, 30, 1: *Intercessores a rectoribus provinciarum dati ad exigenda debita ea, quae civiliter poscuntur, servos aratores... pigneris causa de possessionibus abstrahunt...*; LR Burg., II, 6: *Si vero servus cujuscumque occisus fuerit ab ingenuo... pro ministeriali LX solidi, pro aratore aut porcario XXX, pro aurifici electo C, pro fabro ferrario L... inferantur.* — Поместье, в котором имеются наряду с земельными рабами также рабы-ремесленники, в том числе и такие, как ювелиры, это, несомненно, — крупное поместье. Ср. также CTh, IX, 42, 7; Br. P., III, 9, 31; V, 24, 2; Conc. Agath., C., CLVI.

² P a l l a d., Rr, XIV: *Scio enim, quo frequenter inclinēt argutia famulorum. Malo operam ejus expectare potius quam timere. Nescio utrum commune sit dominus: mihi difficile contigit in servilibus ingeniis invenire temperiem.*

³ См. также P a l l a d., Rr, I, 6: *Agri praesulem non ex dilectis [et] tenere [educatis] servulis ponas; quia fiducia praeteriti amoris impunitatem culpae praesentis expectat.*

тельности говорит совсем о другом. Палладий (там же) указывает лишь, что количество работников, необходимых для производства тех или иных сельскохозяйственных работ, зависит от местных условий, от обычая провинций. Этими работниками могли быть и наемные рабочие, и рабы, и колонны.

Повидимому, даже те землевладельцы, которые раздавали значительную часть земли мелким держателям, сохраняли в большинстве случаев и в IV—V вв. часть земли для ведения собственного хозяйства. Источники упоминают об использовании наемных работников, колонов и рабов для различных сельскохозяйственных работ в поместьях магнатов, как о совершенно обычном явлении (см. СI, XI, 48, 8; СTh, V, 18, 1; Ed. Th., § 84 и др.). Наличие господской части поместий вытекает также из упоминаний источников об отработках колонов (СI, XI, 53, 1). О ведении собственного хозяйства галло-римскими крупными землевладельцами свидетельствует и Сидоний Аполлинарий. Он нередко отмечает, что его друзья, представители местной знати, ревностно отдаются сельскохозяйственным работам (Sid. Apoll., Ep. VIII, 8; 1,6). Показательно, что в IV—V вв. юридические и литературные источники сохраняют еще деление рабов на *familia urbana* и *familia rustica*¹. Важно при этом подчеркнуть, что рабов, поселенных на землю, в IV в. не относили к *familia rustica*, а выделяли в особую группу (СTh, IX, 42, 7).

Производство в господской части поместья рассчитано было не только на удовлетворение потребностей землевладельца, но и на сбыт товаров на городском рынке. Упадок торговых сношений и городов в Поздней империи отнюдь не следует понимать как превращение латифундий в совершенно замкнутые натурально-хозяйственные единицы. Источники IV—V вв. указывают, что землевладельцы всех разрядов в той или иной степени были и в это время связаны с рынком (СTh, XIII, 1, 3; 5; 8; 10—11; 21).

Литературные источники также свидетельствуют об использовании рабов в поместьях как средних, так и крупных землевладельцев для выполнения сельскохозяйственных работ. Паулин из Пеллы упоминает о сервах, которые работают в его поместье под непосредственным руководством господина (Eucharisticos, V, 192—197). Сидоний Аполлинарий, описывая в одном из своих писем (IV, 9) виллу знатного своего соседа Векция, упоминает об «усердно работающих сервах». Таких же рабов, используемых прежним плантационным способом под надзором вилликов, подразумевает, очевидно, и Сальвиан, когда говорит о рабах, дрожащих перед акторами и прокураторами (De gub. dei, IV, 3, 17)².

Господская часть поместья, обрабатываемая рабами, имелась в V—VI вв. также в земельных владениях монастырей и церквей в Галлии и в Италии. Это явствует из постановлений церковных соборов (Conc. Agath., S. LVI, 7), а также из писем папы Григория I.

Таким образом, труд рабов широко применялся не только в хозяйстве средних и мелких земельных собственников, но и в крупном землевладении. Не следует, кстати, недооценивать удельный вес среднего и мелкого землевладения в экономике Западной империи IV—V вв. Несомненно, в это время происходила концентрация земельной собственности в руках магнатов, церкви. Но у нас нет оснований считать, что хозяйство куриалов и крестьян было поглощено в IV или V в. этими крупными землевладель-

¹ СTh, III, 32, 1 (312); VI, 35, 1 (314); IX, 42, 7 (369); V, 4, 3 (409); Cassiod., Variac, III, 48: ... tam in agris, quam mancipiis urbanis et rusticis...

² См. также А. П. К а ж д а н, О некоторых спорных вопросах становления феодальных отношений в Римской империи, ВДИ, 1953, № 3, стр. 84—86.

цами. Ряд фактов свидетельствует о существовании курий и мелкой земельной собственности вплоть до конца Западной империи¹.

Таким образом, рабов использовали землевладельцы всех категорий, и нет оснований полагать, что распространение колоната привело в IV—V вв. к более или менее полному вытеснению рабского труда. Наряду с новой формой использования рабского труда путем превращения рабов в земельных держателей — в Поздней империи широко применяется еще и прежняя форма эксплуатации сервов.

По мнению В. С. Сергеева и Е. М. Штаерман, положение рабов в Поздней империи коренным образом отличалось от положения античных рабов. «Выделение рабам в индивидуальное пользование пекулий, — указывает В. С. Сергеев, — вело к тому, что раб освобождался от казарменного режима и, отрываясь от своего господина, превращался в крепостного, т. е. подымался на новую, более высшую ступень социальной лестницы» (ук. соч., стр. 573). «...Изменяя свою классовую природу, они (рабы. — А. К.) сливаются с прочей массой закрепощаемых крестьян и участвуют в их борьбе за разрушение всех пережитков рабовладения» (Е. М. Штаерман, ВДИ, 1953, № 2, стр. 69). Источники действительно говорят о том, что в Поздней империи правовое положение рабов несколько повысилось, и это, очевидно, связано с изменением положения известной части рабов в производстве. Однако нет оснований говорить о коренном изменении в положении рабов.

Доказательством хозяйственной самостоятельности сервов в III в. В. С. Сергеев считает упоминания римских юристов о том, что рабы в ряде случаев владеют имуществом, участвуют в различных хозяйственных сделках (ук. соч., стр. 571—572). Однако ссылок на отдельные частные случаи, описываемые римскими юристами, недостаточно для того, чтобы сделать вывод об имущественной правоспособности рабов в III в., так как те же юридические источники сохраняют общие положения римского права об отсутствии у сервов права владеть и распоряжаться имуществом. Пекулий оставался в глазах официального права собственностью господина. Раб не мог составлять завещания (Paul., Sent., III, 4, 8). В то же время продажи и завещания рабов не влекли за собой обязательно также и продажу их пекулия (Dig., XVIII, 1, 29). Господин мог отнять у своего раба пекулий или уменьшать последний по своему усмотрению². Пекулий мог быть отнят у раба и при его освобождении (C1, IV, 14, 5). В сочинениях юристов III в. содержатся положения о том, что рабы не могут заключать никаких обязательств (Dig., XV, 1, 4), не обладают никакими правами состояния (Dig., IV, 5, 3). Данные же источников, указывающие на известную хозяйственную самостоятельность сервов, касаются, очевидно, той узкой прослойки рабов, которые по поручению своих господ занимались торговлей и ремеслом, служили в качестве управляющих поместьями, приказчиков и т. д.

В. С. Сергеев указывает, что формальное бесправие раба можно было обойти на практике (ук. соч., стр. 572). Возможно, обычное право предоставляло рабам, особенно тем из них, которые сидели на земле, больше возможности распоряжаться своим имуществом, чем это допускалось официальным правом. Но разрыв между обычным правом и официальным не был значительным. Это видно из того, что и в последующие столетия сервы не приобрели в Западной империи имущественной правоспособности. Юри-

¹ См. CTh, XII, 1, 33; 179; VI, 3, 4; Sid. Apoll., Ep. I, 6; N. Mai., VII, 1; CTh, XVI, 2, 19; XI, 7, 12; 16, 4; Salv., De gub. dei, V, 7, 28; 8, 41 и др.

² Dig., XV, I, 41: ... servi peculium totum adimere vel augere vel minuire dominus possit ...

дические источники IV—V вв., относящиеся к Западу, отрицают правоспособность сервов еще более определенно, чем источники III в. Согласно законам, изданным в эпоху Поздней империи, раб не мог самостоятельно поднять дело, если у него была совершена кража; это должен был сделать его господин (Br. P., II, 32, 21). Серв попрежнему лишен был права составлять завещание (Br. P., III, 6, 1). Он не мог продавать свой пекулий и вообще заключать какие-либо контракты и обязательства (Br. CTh, II, 30, 2; LR Burg., XIV, 6). Таким образом, предоставляя рабу возможность вести самостоятельно свое хозяйство, законодательство не признавало за ним права распоряжаться своим имуществом. Одно уже это обстоятельство указывает на необоснованность утверждений, будто раб в период Поздней империи «изменяет свою классовую природу», превращается в крепостного. Мы видели, что даже те сервы, которые вели самостоятельно свое хозяйство, коренным образом отличались от крепостных крестьян, так как были неспособны в имущественном отношении и не могли владеть орудиями производства. Рабу, сидевшему на земле, не принадлежала еще основанная на личном труде единоличная собственность на орудия производства и свое частное хозяйство.

Рабы Поздней империи отличались от крепостных крестьян феодального общества также и по своему юридическому статусу. Источники не подтверждают мнения Е. М. Штаерман о том, что в III в. и в последующие два века произошло значительное повышение социального веса рабов и расширение их юридических прав, выразившееся в лишении господ права убивать своих сервов. Несмотря на законы Адриана и Антонина, запрещавшие господам произвольно убивать своих рабов, сервы фактически оставались в полной власти господ. Согласно взглядам юристов III в., господин не отвечал за смерть раба, происшедшую в результате наказания подданного (Paul., Sent., V, 23, 6). У нас нет также оснований считать действенным средством защиты рабов от произвола господ бегство к статуям императоров и обращение к магистратам. Этот институт не получил развития в Поздней империи. Римские юристы классического периода продолжали считать, что раб не имеет никаких гражданских прав (Dig., IV, 5, 3). Мало изменилось это юридическое положение сервов и в IV—V вв. Сервы попрежнему были лишены всяких политических и гражданских прав. Они не могли занимать какие-либо должности на государственной службе или в муниципиях, нести военную службу, давать показания против своих господ (Br. P., V, 18, 5; Br. CTh, X, 5, 5; Ed. Th., § 48), за исключением случаев государственной измены (Br. P., V, 15, 3).

Некоторые исследователи считают важным нововведением, характеризующим изменение статуса рабов в Поздней империи, запрещение продавать рабов-цензуариев без земли (CI, XI, 48, 7; CTh, XI, 1, 20). Однако в этом законодательном постановлении следует видеть не столько отражение роста хозяйственной самостоятельности рабов и прочности их связей с землей, сколько следствие налоговой политики правительства. Эта налоговая политика имела своей целью обеспечить регулярное поступление налогов от землевладельцев в соответствии с зафиксированным составом рабочего населения поместья. В пользу подобного предположения говорит тот факт, что первоначально, в 327 г., императором Константином запрещена была продажа сельских рабов лишь за пределы данной провинции (CTh, XI, 3, 2), что никак нельзя объяснить прочностью связи рабов с землей, и лишь в 366 г. издан был закон, вообще запрещавший продажу сельских рабов без земли (CI, XI, 48, 7). Законы вовсе не имели своей целью закрепить за рабами участки, которые они обрабатывали. Официальное право не мешало господам переводить рабов из одного своего имения в другое или из числа сельскохозяйственных рабов в состав двора. Ин-

тересно отметить, что перевод из *familia rustica* в *familia urbana* рассматривается не как ухудшение положения раба, а наоборот, как улучшение¹. Перевод же раба из двора в состав сельских рабов считается наказанием (*Dig.*, XXVIII, 5, 35).

Юридические источники попрежнему рассматривают рабов как вещь; независимо от того, сидят они на земле или нет, их относят к движимому имуществу наряду со скотом. Сервов так же, как и рабочий скот, берут в залог, дают во временное пользование, продают, дарят, завещают². Продаются они с землей и без земли³. Законы, запрещавшие продавать рабов-цензуариев без земли, изданы были в Восточной империи и в V в. в Западной империи, повидимому, не применялись. Новелла Майориана от 458 г., запрещающая куриалам продавать свои поместья без разрешения властей, для продажи рабов требует лишь наличия свидетелей из числа старейшин курии (*N. Mai.*, VII, 9). При этом в новелле не делается никаких оговорок относительно цензуариев; следовательно, данный закон распространяется на всех рабов, независимо от формы их использования. Законы, запрещавшие продавать сервов-цензуариев, не вошли ни в Бривиарий Алариха, ни в Римскую Правду бургундов, а Эдикт Теодориха прямо подчеркнул право господ продавать всех своих рабов без земли (*Ed. Th.*, § 142). Эта черта положения сервов V в. резко отличает их от основной массы крепостных крестьян, которых нельзя было отчуждать в эпоху раннего средневековья без земли. Некоторое изменение можно отметить лишь в семейном праве рабов. Законодательство требовало, чтобы господа учитывали семейные связи рабов и не дробили семьи рабов при разделах поместий (*Br. CTh.*, II, 25, 1). Это обстоятельство, несомненно, отражает возникновение у рабов устойчивой семьи, что в свою очередь связано с распространением новой формы эксплуатации рабов, с ведением ими самостоятельного хозяйства. Но все же за сервами и в V в. не признается право на подлинный брак — *matrimonium*, и они могут вступать лишь в простое сожитительство — *contubernium* (*Br. P.*, II, 20, 3). Право предоставляет господам всю полноту власти над сервами. В Бривиарий Алариха вошло известное положение Гая о власти господ над рабами: *In potestate (itaque) dominorum sunt servi* (*Br. Gai.*, III, 1). Так же, как и в III в., господин имел над сервами дисциплинарную власть, мог подвергать их телесным наказаниям и не отвечал за смерть раба, вызванную экзекуцией (*CI.*, IX, 15, 1; *Br. Gai.*, III, 1). Это фактически означало наличие у господина старинного *ius vitae necisque* над рабами. Из юридических и литературных источников явствует, что рабовладельцы еще широко применяли это свое право на практике в IV—V веках⁴.

Гнет, который испытывали рабы в период Поздней империи со стороны рабовладельцев, оставался крайне тягостным. Об этом свидетельствует обострение классовых противоречий в римском обществе IV—V вв. Показателем ожесточенной классовой борьбы могут служить восстания рабов в III—V вв. и их содействие вторжениям «варваров». Известны факты оказания помощи рабами Италии Алариху, участие сервов в восстаниях багаудов в Галлии и Испании, в движении агонистиков и циркумцеллионов в Африке.

Все эти данные источников о роли рабского труда и положении рабов в Западной империи свидетельствуют, что процесс отмирания античного рабства происходил крайне медленно и ко времени падения империи был

¹ *Cassiod.*, *Variar.*, VIII, 33.

² *Br. CTh.*, II, 30, 1; *Br. P.*, II, 4, 3; III, 9, 27; II, 5, 2.

³ *Br. P.*, I, 48, 7; II, 48, 3; *N. Mai.*, VII, 9; *Br. CTh.*, III, 4, 1.

⁴ *CI.*, IX, 14, 1; *Salv.*, *De gub. dei*, IV, 5; *Sid. Apoll.*, *Ep.* VIII, 11.

далек еще от своего завершения. Несмотря на зарождение элементов феодальных производственных отношений, рабство является в Поздней империи не «пережитком», но еще важнейшей формой экономических отношений. Рабство, несомненно, претерпело в последние столетия существования Западной империи заметную эволюцию по сравнению с классическим рабством (ведение частью рабов самостоятельного хозяйства, некоторое повышение правового положения рабов). Но эта эволюция не означала перерождения рабства в крепостничество, не говоря уже о том, что наделение сервов землей и взимание с них оброков не стало еще в Поздней империи всеобщей формой использования рабов. Серву, самостоятельно обрабатывающему свой участок, не принадлежит, в отличие от крепостного, единоличная собственность на орудия производства и свое частное хозяйство, и сам он находится полностью во власти господина. Учитывая все изменения, которые произошли в связи с развитием процесса феодализации к V в. в рабстве, мы все же не можем считать, что последнее представляет собой уже новые производственные отношения. Несмотря на некоторые отличия от рабства классического периода, рабская система периода Поздней империи также относится к производственным отношениям, основой которых была собственность рабовладельца на средства производства, а также на работника производства.

Изменения в форме рабства, которые произошли в III—V вв., не могли еще привести к появлению у непосредственного производителя той инициативы в производстве и заинтересованности в труде, которые были необходимы для существенного роста производительных сил общества. Требовались также изменения положения непосредственного производителя в обществе, в производстве, которые несовместимы были с институтом рабства. Естественно, что зарождение элементов новых производственных отношений в недрах рабовладельческого римского общества сказывалось не только в эволюции рабства, — оно происходило и другими путями, в частности путем развития вольноотпущенничества.

II. *Вольноотпущенники*. Распространение практики отпуска рабов на свободу в Поздней империи следует рассматривать как проявление процесса разложения античного рабства. В советской исторической литературе в настоящее время не подвергается сомнению то положение, что во времена империи вольноотпущенники составляли значительную часть населения¹.

В законодательных кодексах, составленных в западных провинциях империи на рубеже V и VI вв., много места занимают положения, регулирующие правила отпуска рабов на свободу (Br. Gai, II, 9, 4; LR Burg., III, 1, 2; XIV, 5), определяющие гражданские права либертинов², их взаимоотношения с патронами³. Много внимания уделяли отпуску рабов на свободу и положению вольноотпущенников также церковные соборы, происходившие в рассматриваемых провинциях в IV—V вв.⁴ О широких размерах отпуска рабов на свободу можно судить и по некоторым данным литературных источников⁵. Вольноотпущенники упоминаются и в перечне

¹ В. С. Сергеев, ук. соч., стр. 573—575; Н. А. Машкин, ук. соч., стр. 480—481.

² Br. N. Val., VI, 1; Br. Gai, I, 4; CTh, IV, 8, 3; Br. P., II, 20, 6 и 25, 1; Ed. Th., § 148.

³ Br. CTh, V, 9, 1; Br. N. Val., VI, 1; Br. CTh, VIII, 6, 2; Br. P., II, 33, 1; LR Burg., XIV, 4.

⁴ Conc. Agath., C. CVII и LVI; Conc. Arelat., II, C. C. XXIV и XXXIII.

⁵ Очевидно, либертины входили в число тех клиентов, которых постоянно упоминают Аммиан Марцелин и Сидоний Аполлинарий, когда говорят о населении латифундий магнатов (Am m. Marc., XXVII, 1; Sid. Apoll., Ep. IV, 9, 24; и др.). О порядке отпуска рабов и разрядах вольноотпущенников см. также S a l v., Ad eccles., III, 7.

рабочего населения поместий, встречающемся в юридических источниках (СІ, XI, 53, 1; VII, 38, 1).

Либертины во времена Поздней империи так же, как и в предшествующий период времени, стояли на социальной лестнице значительно выше рабов. Они считались свободными людьми (*liberi*), и их не смешивали с рабами. Но по сравнению с эпохой классического рабства положение вольноотпущенников существенно изменилось. Вплоть до III в. значительная часть либертинов находила себе применение в торговле и промышленности. В IV в. вольноотпущенников используют уже главным образом в качестве держателей земель в поместьях крупных землевладельцев, фиска и церкви (СІ, XI, 53, 1; VII, 38, 1; *Conc. Agath.*, С. VII). В соответствии с этим менялся и характер взаимоотношений либертинов и патронов. Вольноотпущенник и прежде связан был с бывшим своим господином определенными повинностями. Теперь же раб при освобождении обычно получал в пользование земельный участок и, следовательно, оказывался от своего патрона и в поземельной зависимости. В постановлении Агдского собора от 506 г. прямо указывалось, что при освобождении рабов церкви, имеющих хорошую репутацию, следует давать им по 20 солидов и по небольшому участку земли в пользование (*Conc. Agath.*, С. VII).

Подавляющее большинство либертинов находилось в столь тесной зависимости от своих патронов, что фактически было прикреплено к их поместьям. Законодательство уже в конце IV в. так же строго запрещало уход вольноотпущенников от своих патронов к другим possessорам, как и рабам и колонам (СІ, XI, 5, 3, 1). Это запрещение касалось также либертинов фиска и церкви (СІ, VII, 38, 1; *Conc. Tolet.* III, С. 6 и др.). Закрепощение либертинов — факт, характеризующий ограничение их личной свободы по сравнению с предшествующим периодом. Это — показатель усиления зависимости либертинов от патронов¹.

О тесной зависимости вольноотпущенников от их бывших господ свидетельствуют также данные о том, что право либертинов распоряжаться своим имуществом было ограничено. Имущественные права вольноотпущенника были ограничены в пользу патрона уже в силу самой его принадлежности к разряду либертинов. Права патронов на имущество вольноотпущенников, повидимому, в течение периода империи увеличились по сравнению с предшествующим временем. Уже Гай отмечал, что прежде либертин мог при составлении завещания обходить патрона, но впоследствии преторский эдикт установил, что вольноотпущенник должен оставлять патрону половину своего имущества (*Inst.*, III, 7). Еще в более тесной зависимости от патрона находился либертин в период Поздней империи.

Ограничения в праве распоряжаться своим имуществом касались особенно того разряда вольноотпущенников, который именовался *Latini*. Вольноотпущенники-*Latini* фактически не имели права собственности на свой пекулий и не могли свободно отчуждать, дарить и завещать свое имущество. После их смерти имущество не наследовалось их детьми, а возвращалось в собственность патрона (*Br. CTh.* II, 22, 1; *Salv., Ad eccles.*, III, 7).

¹ Нельзя поэтому согласиться с утверждением В. С. Сергеева, что права вольноотпущенников с каждым столетием возрастали (ук. соч., стр. 574). Е. М. Штаерман, поддерживающая точку зрения В. С. Сергеева, считает показателем усиления независимости либертинов тот факт, что с III в. патрон не мог мешать им заниматься какой бы то ни было деятельностью. Однако вышеприведенные данные о закрепощении сельских либертинов показывают, что по отношению к ним, т. е. к большей части либертинов, в IV в. стало неприменимым то положение Ульпиана, на которое ссылается Е. М. Штаерман (*Dig.*, XXXVII, 14, 2).

В лучшем положении находились либертины *cives Romani* (Br. Gai., I, 1). Они могли передавать свое имущество по наследству своим детям и распоряжаться им в известной степени при жизни (СI, VI, 4, 4). Но если они умирали, не оставив детей и завещания, то все их имущество уходило к патронам (Br. СTh, V, 3,1). Если они не имели детей, то ближайшим родственникам могли оставить лишь половину своего имущества, а половину следовало передать патрону (Br. N. Val., VI). Либертин *civis Romanus* не мог составить завещание без ведома патрона — оно считалось в таком случае недействительным (там же). Таким образом, и либертины высшего разряда не могли вполне свободно распоряжаться своим имуществом.

Официальное право продолжало в Поздней империи, как и в старину, отличать либертинов от вольнорожденных (Br. СTh, IX, 16, 1). Их нельзя было назначать на какие-либо почетные должности; имелись известные ограничения для либертинов и в брачном праве. Вольноотпущенник не имел права выступать на суде против патрона в качестве свидетеля или обвинителя. В последнем случае либертина грозила смертная казнь (Br. СTh, IX, 3, 2. Ср. Conc. Afric., С. XCVI). Строго карались также попытки вольноотпущенников породниться со своими бывшими господами (Br. P., II, 20, 6).

Определяющее значение для социального статуса либертина имела обязанность находиться в повиновении у патрона. В Бревиарии Алариха содержится закон, согласно которому вольноотпущенник, проявляющий «высокомерие» и «дерзость» по отношению к патрону, мог быть возвращен в рабство (Br. СTh, IV, 10,1; 2). Это положение характеризует неустойчивость статуса либертина в V в. Патрон имел также известные дисциплинарные права над либертинами. В Дигестах содержатся соответствующие положения (Dig., XLVII, 10), и они, очевидно, применимы также и для западных провинций империи.

Личная свобода *cives Romani* была несколько более обеспечена, чем остальных вольноотпущенников. Соборы грозили церковными наказаниями тем, кто без основательной причины, т. е. без соответствующей вины либертина *civis Romanus*, возвращает его в рабское состояние (Conc. Aurel., II, С. XXXIII). Новелла Валентиниана от 447 г. запрещает детям и внукам патронов возвращать в рабство либертинов этого разряда (Br. N. Val., VI). Церковь требовала, чтобы патрон, желающий вернуть такого вольноотпущенника в рабство, доказал его вину (Conc. Aurel. II, С. XXXIV). Но и на них распространялись указанные выше полсжения, запрещавшие уход либертинов из поместий их господ, ограничивавшие гражданские и имущественные права либертинов. В соответствующих законодательных актах нет никакой оговорки о том, что они не касаются либертинов разряда *cives Romani*.

Таким образом, нет оснований полагать, что зависимость либертинов от патронов ослабела в Поздней империи по сравнению с I—II вв. Эта зависимость в некоторых отношениях даже усилилась. В основе этого явления — упрочения связей либертина с патроном — лежали отношения собственности: большая часть либертинов в этот период времени — это держатели земельных участков в поместьях крупных землевладельцев, подобно рабам-цензуариям и колонам.

Вольноотпущенник стоял на социальной лестнице выше, чем раб, и больше, чем последний, был заинтересован в труде, в своем хозяйстве. Распространение практики отпуска сервов на свободу и превращение их в земельных держателей, несущих известные обязанности (уплата оброка, несение повинностей), несомненно, является показателем процесса разложения античного рабства и зарождения феодальных производственных

отношений. Но статусу вольноотпущенников также присущ был ряд черт, отделявших их от средневековых крепостных. К числу таких черт относились неустойчивость статуса либертина, значительная часть которых легально, а остальные с нарушением правил, но также без особого риска для патрона, могли быть возвращены в рабское состояние; обширные права патронов на имущество вольноотпущенников и отсутствие прочного права наследования детьми либертинов всего имущества их родителей. Можно предположить, что и орудия производства, которыми пользовались рабы, получившие свободу и поселенные в поместье бывшего господина, также принадлежали землевладельцу. Все эти обстоятельства должны были тормозить превращение вольноотпущенников в тех инициативных, заинтересованных в труде непосредственных производителей, появление которых могло бы способствовать росту производительных сил общества.

III. *Колоны*. В советской исторической литературе не выработалось еще единого мнения относительно положения колонов в Поздней империи. В. С. Сергеев считал, что колоны оставались свободными людьми (ук. соч., стр. 684—685). В некоторых работах по истории Рима отношения между колонами и крупными землевладельцами прямо характеризуются как феодальные в своем существе (Н. А. Машкин, ук. соч., стр. 580), колоны — как «настоящие крепостные» (С. И. Ковалев, История Рима, стр. 728). Е. М. Штаерман отмечает, что в IV в. сформировался класс зависимых земледельцев, которых лишь пережитки рабства отделяли от крестьян феодального общества (ВДИ, 1953, № 2, стр. 73, 77).

Для решения вопроса о характере колоната в эпоху Поздней империи необходимо прежде всего выяснить экономические взаимоотношения колонов с крупными землевладельцами, отношение колонов к средствам производства, их положение в производстве и их участие в распределении продуктов, формы зависимости колонов от земельных собственников.

Колонат имел широкое применение на землях крупных и средних землевладельцев, т. е. в поместьях представителей сенаторского сословия и курялов¹, а также в земельных владениях фиска и церкви.

Данные источников свидетельствуют, что положение колонов в западных провинциях империи в V в. существенно отличалось от положения колонов в период республики и Ранней империи. В первые века империи колоны представляют собой мелких арендаторов земель крупных землевладельцев, фиска; они находятся в поземельной, но не личной зависимости от земельных собственников. Колоны этого периода — свободные и полноправные граждане. Статус колона не является ни пожизненным, ни наследственным. Принадлежность к разряду колонов может быть порвана как по инициативе самого земледельца, так и земельного собственника. В IV и особенно в V в. колон выступает уже как земледелец, находящийся и в поземельной и в личной зависимости от собственника земли, как человек, лишенный ряда прав свободных граждан.

В основе зависимости колона от посессора, как отмечено в советской исторической литературе, лежала поземельная зависимость колона: он не являлся собственником своего земельного надела (см. В. С. Сергеев, ук. соч., стр. 685). В источниках упоминаются иногда колоны, имеющие также и собственную землю (см. СTh, V, 19, 1; XI, 1, 14; XII, 1, 33 и др.). Но в этих случаях обычно речь идет о крестьянах и курялах, которые,

¹ Е. М. Штаерман высказывает мнение, будто колонов применяли крупные землевладельцы, а хозяйство курялов основывалось на рабском труде (ВДИ, 1953, № 2, стр. 58). Можно предположить, что в среднем землевладении труд рабов в IV—V вв. играл большую роль, чем в латифундиях магнатов, где было много колонов. Но несомненно, и курялы применяли труд колонов на своих землях. Об этом свидетельствует ряд показаний источников (см. СTh, XI, 7, 2; CI, X, 74, 3. Ср. СTh, XI, 24, 4).

сохранив еще за собой свои земельные участки, стали колонами частных крупных землевладельцев или фиска. Подобные упоминания характеризуют не типическое состояние колона, а переходное состояние от свободного мелкого земельного собственника к колону и клиенту. Колон же, как таковой, не мог иметь земельной собственности и вообще не обладал имущественной правоспособностью.

Владение колонов землей в период Поздней империи не обуславливалось договором, как в I—II вв. Это владение в рассматриваемую эпоху является длительным, пожизненным и фактически также наследственным. Дети колонов были прикреплены к поместьям, в которых они родились, и естественно, что они после смерти родителей продолжали обрабатывать их земельные наделы. Но законодательство не закрепило право колонов передавать землю по наследству своим детям. Официальное право в IV—V вв., наоборот, подчеркивает отсутствие у колонов права распоряжаться своим имуществом, что исключает неограниченное право завещания и наследования. Легче предположить, что колоны, как и либертины, фактически передавали в большинстве случаев свое имущество детям, но лишь в пределах данного поместья и с ведома и разрешения земельного собственника. Постепенно передача колонами своих участков потомству становилась обычаем.

Нельзя согласиться с теми исследователями, которые считают, что колонам в IV—V вв. принадлежало право владения землей, и корни этого права ищут в известном законе Адриана об оккупации пустошей. Так, например, Ф. Нахман (ЖМНП, 1909, ч. XXI, стр. 233—234) в свое время доказывала, что после издания упомянутого закона колонам стало принадлежать право владения землей и передачи ее по наследству — *ius possidendi ac fruendi hereditique suo relinquendi*. Отсюда, полагал этот автор, — крепкая связь колонов с землей в период Поздней империи. На этот же закон Адриана ссылается и А. П. Каждан, стараясь обосновать свое положение о наличии у колонов прочих прав на обрабатывавшиеся ими земли (ВДИ, 1953, № 3, стр. 98). Установление подобной связи между законом Адриана и правами на землю колонов Поздней империи, однако, не обосновано. Владение землей у африканских колонов II в., о которых идет речь в законе Адриана, постепенно приближалось по своему типу к эфитевтическому¹. Для эфитевтеиса же и в IV—V вв. характерно было наличие у держателей земли права пожизненного пользования и передачи этой земли по наследству (CI, XI, 58, 6, 386 г.).

Для обычного же типа колонов и по нормам классической юриспруденции II—III вв. и по правовым нормам Поздней империи характерно отсутствие каких-либо прав владения (*possessio*). Согласно положению Ульпиана, колону и инквилину не принадлежит право владения². В IV в. законодательство подчеркивало, что земледелец, платящий оброк за держание земли, не может считаться ее владельцем (CI, VII, 39, 2; ср. CTh, IX, 27, 6).

По мнению А. П. Каждана, на постепенное приобретение колонами владельческих прав на землю указывает еще то обстоятельство, что колоны, судя по некоторым письмам Симмаха, присваивали земельные участки — прекращали выплату оброков. В одном из этих писем автор просит вмешательства властей для изгнания некоего инквилина из владений своей родственницы (Ep. IV, 68). А. П. Каждан полагает, что здесь идет речь о захвате колоном участка, который был предоставлен в его пользование.

¹ См. также E. Beaudouin, *Les grands domaines dans l'empire romain*, стр. 276—280.

² Dig., XLIII, 26, 6: ... *Colonus et inquilinus sunt in praedio et tamen non possident.*

В действительности же в письме говорится вовсе не о колонне в собственном смысле слова. Термин «инквиллин» употреблен здесь не как синоним «колона», а в старом значении этого слова, т. е. под инквиллином в данном случае подразумевается съемщик какого-либо поместья. Это совершенно ясно видно из текста письма: ...ante paucissimos menses ille a parente meo horrea in Aquiliensi sita et clarissimae feminae propter longinquitatem itineris incognita tenui mercede conduxit atque his ita abusus est, ut parvo licet tempore iisdem locis labem consulto intulisse dicatur. Во втором же письме, на которое ссылается А. П. Каждан, говорится вообще не о колонах, а о рабах, посаженных на землю¹.

Нужно также учесть, что длительность владения землей по нормам римского права отнюдь не приводила к какому-либо изменению формы собственности на землю. Держатель земельного надела не приобретал права собственности на обрабатываемую им землю, сколько бы он ни сидел на этой земле (см. СІ, VII, 39, 2; IV, 65, 33; Br. P., V, 7, 8; 10 Int.).

Не следует также преувеличивать значение отдельных конституций, запрещающих отчуждать колонов без земли, для суждения о прочности земельного владения колонов. Источники указывают, что земельные собственники имели возможность отделять колонов от земли и нередко осуществляли это на практике. Законодательство признает право землевладельца переводить колонов из одного своего поместья в другое (Br. N. Val., XII; ср. Br. P., III, 9, 32), обменивать их при известных обстоятельствах без земли (см. Br. N. Val., XII, 1; IX; Ed. Th., § 84).

В конституции Грациана, Валентиниана и Феодосия от 383 г. упоминается, что лица, получающие патримониальные имения, выселяют оттуда прежних колонов и заменяют их своими рабами и колонами (СІ, XI, 63, 3). Частое повторение в законодательстве IV и начала V в. запрещений продавать колонов без земли и переводить их как рабов в состав дворни (СTh, XIII, 10, 3; СІ, XI, 48, 7; СTh, XI, 1, 26; V, 6, 3 и др.) свидетельствует, что подобная практика получала все более широкое распространение в западных провинциях империи. Эта практика была узаконена в Италии уже после краха Западной империи эдиктом Теодориха. Землевладельцам официально разрешено было отделять колонов от земли². Аналогичное положение характерно было и для Галлии и для Испании³.

Таким образом, в изучаемый период времени колоны в западных провинциях империи не только не считались собственниками обрабатываемой земли, но и не имели прочных прав на пользование своим земельным наделом. На практике владение землей у колонов обычно было длительным, наследственным. Но отсутствие каких-либо прочных прав у колонов на обрабатываемую ими землю характеризует низкое социальное положение этой группы земледельческого населения.

Колонам не принадлежало также и право собственности на орудия производства. Большинство советских исследователей истории римского колоната сходятся во мнении, что в период Ранней империи собственник земли давал обычно колонам в пользование необходимые орудия⁴. Это

¹ Ep. IX, 6: ... debita ab obnoxiiis servis eruenda mandavi...

² Ed. Th., § 142: Licet utrique domino ex praediis, quae corporaliter et legitime iure possidet, rustica utriusque sexus mancipia etiamsi originaria sint, ad iuris sui loca transferre vel urbanis ministeriis adplicare ... alienare etiam supradictae conditionis homines liceat dominis absque terrae aliqua portione, sub scripturae adtestatione vel cedere vel vendere cui libuerit vel donare.

³ В Бургундской Правде встречается упоминание о «цене колона» (L. Burg., VII, 1). Вестготская Правда вообще не различает рабов и колонов, хотя вестготы, очевидно, подобно бургундам, при разделе земель с местным населением получили рабов и колонов.

⁴ См. В. С. Сергеев, ук. соч., стр. 602; А. Б. Ранович, ВДИ, 1954, № 1, стр. 96—97; Е. М. Штаерман, ВДИ, 1952, № 2, стр. 118—119.

положение еще более применимо по отношению к последующему периоду. В последние века империи, когда контингент колонов пополнялся пленными «варварами», беглыми куриалами и коллегатами, разорвавшимися мелкими земельными собственниками, практика наделения колонов орудиями производства должна была еще больше возрасти. Законодательство же, со своей стороны, старалось закрепить права земельных собственников на инвентарь, которым пользовались колоны, и вообще на все имущество колонов. В IV—V вв. эти права землевладельцев все более расширялись. Согласно закону Валентиниана и Валента от 365 г., колонам запрещалось отчуждать лишь землю (CTh, V, 19, 1). Через три десятилетия в конституции Аркадия и Гонория уже указывается, что все имущество колона принадлежит его господину (CI, XI, 50, 2). В V в. господствовало правило, гласившее, что колон не имеет права отчуждать землю и вообще что-либо из своего имущества без согласия господина (CTh, V, 19, 1 Int.). Подобное правило содержится и в Бrevиарии Алариха и в Римской Правде бургундов (Br. CTh, V, 11, 1; LR Burg., XIV, 6). О том, что собственник земли мог распоряжаться орудиями производства, находившимися в пользовании у колона, свидетельствует и эдикт Теодориха. В § 150 этого эдикта указывается, что никто не имеет права захватывать и использовать для своих нужд рабов или быков чужого колона (колон здесь — *rusticus alienus*), за исключением того случая, если имеется на это согласие самого колона или его господина.

Таким образом, несмотря на то, что колоны вели самостоятельное хозяйство, они не обладали в IV—V вв. имущественной правоспособностью и не являлись собственниками орудий производства.

Положение колонов в производстве и их отношение к средствам производства определяло и форму участия колонов в распределении продуктов производства. Источники указывают, что колоны выплачивали земельным собственникам оброки, выполняли для них известные работы и в то же время должны были выплачивать государственные налоги и нести государственные повинности¹. О размерах и характере оброков и повинностей в IV—V вв. данных имеется очень немного. В источниках этого периода оброки колонов характеризуются как «часть урожая» (*pars fructuum* — CI, XI, 48, 18), размеры же оброков определялись обычаем поместья (CI, XI, 50, 1; 48,5; IV, 62, 4). Точно так же обычай устанавливал и размеры барщины (*oregae*) колонов в пользу земельного собственника (CTh, V, 6, 3; XI, 53, 1). Из-за размеров прибавочного продукта, присваивавшегося землевладельцами, на протяжении всей истории империи происходила упорная борьба между земельными собственниками, с одной стороны, и непосредственными производителями — колонами, с другой.

В IV—V вв. колонам приходилось нести непосильные для их хозяйства повинности. Владельцы нередко произвольно повышали оброки по сравнению с обычаем, требовали взноса оброка в денежной форме (CI, XI, 48,5) там, где раньше он вносился натурой; то, что во второй половине IV в. взимание государственных налогов было поручено посессорам, означало практически еще большее расширение возможностей присвоения землевладельцами прибавочного продукта колонов². В источниках имеется много упоминаний о конфликтах между посессорами и колонами по поводу оброков. Землевладельцы жалуются на то, что колоны уклоняются от уплаты оброков или вносят их не полностью (Symm., Ep. IX, 130; ср. VI, 81). Столкновения происходят также по поводу различных дополнительных платежей, устанавливаемых посессорами. Так, например,

¹ См., например, о *munera sordida* — CTh, IX, 16, 5 и 18.

² См. CTh, XI, 7, 1; *Lact.*, De mort. persec., VII; *Salv.*, De gub. dei, V, 4.

магнаты заставляли колонов платить специальные поборы с торгового оборота (СTh, XIII, 1, 3; 10; IV, 13, 3); арендаторы доменов фиска принуждали колонов платить за воду, которую они использовали для орошения новых участков занятой ими земли (СI, XI, 63, 1). Колоны, в свою очередь, восставали против нарушения господами обычаев поместья, регламентирующих оброки и повинности земледельцев: они обращались с жалобами на своих господ в суды (до тех пор, пока это им не было запрещено) и к властям, спасались бегством к «варварам» или к багаудам.

Стараясь предупредить полное обнищание и разорение колонов, имперское правительство время от времени издавало законодательные акты, ограничивавшие произвол поссессоров и чиновников в отношении колонов (СI, XI, 50, 1; XI, 48, 5). Последние представляли собой жизненно важный для государства слой налогоплательщиков и военнообязанных людей. Но в общем законодательство направлено было в IV—V вв. на расширение власти землевладельцев над колонами.

После того как империя сумела выйти из экономического и политического кризиса, который она испытала в III в., государство энергично повело политику закрепощения колонов за поссессорами, что давало землевладельцам возможность усилить эксплуатацию колонов. В V в. землевладельцы, очевидно, еще более произвольно устанавливали повинности для колонов. Характерно, что упомянутые выше правовые положения, ограничивавшие право господ на взимание оброков с колонов, не всплывали в Бревиарий Алариха, ни в Римскую Правду бургундов, ни в эдикт Теодориха.

Крупные землевладельцы уже в III в. пытались закрепить за собой свободных сьемщиков земли, но официальное право в то время еще не санкционировало подобный произвол по отношению к земледельцам (см. СI, IV, 65, 11). Перелом в этом отношении произошел лишь в начале IV в., когда законодательство, выражая интересы крупных землевладельцев, закрепило колонов за поссессорами. В законе о закрепощении палестинских колонов прямо сказано, что данное законодательное положение издано ради местных землевладельцев (СI, XI, 51). Фискальные интересы играли, разумеется, известную роль в закрепощении колонов, но не главную.

Нельзя согласиться и с мнением М. Я. Сюзюмова, который считает, что право свободного передвижения не имело особого значения для колонов, так как они обычно долго сидели на своих земельных участках и не склонны были менять местожительство¹. В рассматриваемую эпоху, когда ощущался острый недостаток в рабочих руках, для колона большое значение имело право свободного передвижения, так как, пользуясь нехваткой рабочих рук, он мог искать и находить более выгодные условия поселения. Беглый колон мог выдать себя за свободного человека и стать прекаристом или арендатором какого-либо землевладельца (СI, XI, 47, 8). Законодательство часто рассматривает юридические казусы, в основе которых лежит поселение земледельцев на новых землях². В глазах официального права свобода передвижения представляла собой один из признаков статуса свободного человека³, и лишение колонов этой возможности характеризует начало законодательного изъятия данной социальной группы из разряда свободных.

¹ М. Я. Сюзюмов, О юридических источниках для истории колоната, ВДИ, 1951, № 4, стр. 86.

² СI, XI, 48, 12; 8; N. Val., XXXI; СTh, XI, 24; ср. также Sid. Apoll., Ep. VI, 10; S a l v., De gub. dei, V, 8, 38; 45.

³ Dig., XLIII, 29, 2: nihil enim multum a specie servientium differunt quibus facultas non datur recedendi. СI, XI, 50, 2: Nullus omnino colonorum suo iure velut vagus ac liber exsultet.

Вслед за свободой передвижения колонны лишаются других прав свободных граждан. Они теряют право занимать какие-либо должности на государственной службе (СІ, XI, 48, 11), не могут самостоятельно, по своему желанию поступать на военную службу (СІ, XI, 68, 3). Колонны лишены права становиться клириками без разрешения своих господ (Br. N. Val., XII), занимать какие-либо, хотя бы и низшие, должности в муниципиях (СІ, X, 71, 3). Государство перестает рассматривать колоннов как самостоятельных налогоплательщиков. Налоги с колоннов, как правило, взимают владельцы поместий, к которым приписаны колонны, уплачивая затем эти налоги государственным властям (СІ, XI, 48, 4). Резко ограничивается также правоспособность колоннов в судебных делах. Уже в IV в. они могут поднимать гражданские дела в суде лишь с разрешения своих господ (Br. СTh, V, 11, 1). В начале IV в. им официально было запрещено подавать в суд на своих господ по гражданским делам, за колоннами сохранялось лишь право жаловаться судьям на взимание оброков сверх норм, установленных обычаем (СІ, XI, 50, 1; 2). Соотношение социального веса колоннов и крупных землевладельцев было, однако, таково, что выступление тех и других в качестве равноправных сторон на суде было исключено. Сложившееся в практике общественной жизни положение позднее было закреплено в Италии и официальным правом. Согласно эдикту Теодориха, колоннам так же, как сервам и либертинам, запрещено было обвинять своих господ и их детей и в гражданских и в уголовных делах (Ed. Th., § 48).

Колонны эпохи Поздней империи не обладали, как мы уже знаем, имущественной правоспособностью. На рубеже V в. законодательство провозгласило положение, что колон не может иметь собственности, что его имущество принадлежит его господину¹.

Колон не имел права продавать что-либо из своего пекулия без разрешения господина (Br. СTh, V, 11, 1). Законы тщательно охраняют право господина на пекулий его колона². Колонны лишаются права заключать какие-либо имущественные обязательства, контракты (Br. СTh, II, 30, 2; II, 32, 1; LR Burg., XXI, 1; Ed. Th., § 121). На востоке часть колоннов, колонны свободные и в VI в. сохранили право распоряжаться своим пекулием (СІ, XI, 48, 19). Это обстоятельство послужило поводом для некоторых буржуазных историков утверждать, будто вообще все колонны в эпоху империи могли свободно распоряжаться своим имуществом. Но, как мы видели, источники не позволяют применить данное положение по отношению к колоннам западных провинций империи.

Официальное право и практика общественной жизни свидетельствуют и о росте личной власти землевладельцев над принадлежавшими им колоннами. Законодательство официально предоставляло посессорам право осуществлять дисциплинарную власть над колоннами лишь в особых случаях, например, как наказание за принадлежность колона к донатистской ереси (СTh, XVI, 5, 52; 54). Но на практике и частные землевладельцы и прокураторы фиска осуществляли дисциплинарную и судебную власть над колоннами в размерах, несравненно более широких, чем предусматри-

¹ СІ, XI, 50, 2: ... ne quis audeat domini in iudicio nomen lacessere, et cuius ipsi sunt, eiusdem omnia sua esse cognoscant. Старое положение римского права, гласившее, что все приобретаемое рабом приобретает для господина, в данной конституции переносится и на колоннов: ... acquirendi tantum non etiam transferendi potestate permessa, domino et acquirere et habere voluerunt...

² Землевладелец, принявший к себе беглого колона, обязан был вернуть последнего его господину вместе с пекулием (Br. СTh, V, 40, 1). Колон, вступивший в клир и достигший сана диакона, мог остаться клириком, если давал за себя в качестве компенсации другого человека, но свой пекулий он обязан был выдать господину.

валось официальным правом. Об этом свидетельствуют упоминания источников о том, что колоны, подобно рабам, искали убежища в церквях от угрожавших им со стороны господ репрессий (C1, I, 12, 6), о тюрьмах в поместьях частных лиц (CTh, IX, 11, 1), об узурпации прокураторами доменов фиска и частными лицами не принадлежавших им по закону прав юрисдикции (CTh, II, 1, 2; 9; Sid. Apoll., Ep. V, 19 и др.).

Совершенно очевидно также, что магнаты использовали колонов и для несения военной службы в тех случаях, когда они формировали свои вооруженные отряды (см. CTh, XIII, 1, 3; XV, 15, 1; Sid. Apoll., Ep. III, 3).

Необходимо учитывать, что юридические источники не дают точного представления о правовом положении колонов: нормы официального права не всегда совпадали с практикой общественной жизни; они характеризуют прежде всего общую тенденцию законодательства, направление, по которому происходила эволюция статуса колонов. Стремление посессоров ограничить права колонов встречало со стороны последних противодействие, и лишь постепенно, шаг за шагом законодательство, отражавшее интересы землевладельцев, лишало колонов прав свободных граждан. Но в то же время у нас нет оснований полагать, что данные о правовом положении колонов, имеющиеся в юридических источниках, существенно расходились с действительным положением. А. П. Каждан полагает, что колоны в Италии в V в. обладали значительной самостоятельностью по отношению к посессорам; последние не могли, например, без помощи судебных властей добиться от колонов уплаты оброков (ук. соч., стр. 98). Источники, на которые ссылается А. П. Каждан, не подтверждают, однако, его выводов. Он считает, что в письме Симмаха (IX, 6) говорится об отказе колонов выплачивать оброки господам и о неспособности последних самостоятельно принудить колонов к несению этих повинностей. Но в действительности в письме идет речь, как отмечалось выше, не о колонах, а о рабах. И основное содержание письма — это жалоба владельца поместья на своеволие управляющих (акторов), которые «...ведут себя так, словно они не связаны законами, ибо вследствие отдаленности этих поместий акторы не испытывают страха перед господами»¹. Симмах просит представителя местных властей оказать содействие его агенту, который займется делами о сборе оброков. Жалобы на недобросовестность управляющих неоднократно встречаются в письмах Симмаха². В другом письме Симмаха, на которое ссылается А. П. Каждан, речь идет о том, что держатели земли уплатили владельцу поместья лишь незначительную часть своего оброка, несмотря на то, что год был плодородным (Ep. IX, 130). Автор письма обращается к какому-то должностному лицу с просьбой оказать давление на земледельцев-должников. Данное письмо свидетельствует, однако, не столько о самостоятельности колонов (которых автор письма именует *homines mei*), сколько об их задолженности. Если землевладелец во II—III вв. продавал за долги инвентарь колонов и сгонял их с земли, то теперь, когда инвентарь и без того считался его собственностью, а сгонять с земли колонов препятствовал недостаток рабочей силы, он изыскивал другие методы принуждения колонов. В тех случаях, когда должниками являлись колоны отдаленных поместий или когда землевладелец не располагал еще необходимым поместным аппаратом управления, он обращался за содействием к местным властям.

Узы личной зависимости колонов от крупных землевладельцев становятся в IV—V вв. настолько тесными, что в некоторых отношениях не

¹ Ep. IX, 6: ... *Actores absentium, quibus res longinqua committitur, tamquam soluti legibus vivunt, quoniam procul positus nullus dominorum terror incurrit.*

² Ep. VI, 81; V, 87: ... *actores autem locorum ne id quidem velle redhibere, quod sciunt per annos singulos esse solvendum.*

отличаются от уз рабской зависимости. В эту эпоху законодательство рассматривает колонов не только как людей, обрабатывающих землю поссессоров и прикрепленных к этой земле, но и как людей, принадлежащих землевладельцам (CTh, X, 12, 2; V, 18, 1; XIII, 1, 3; CI, XI, 50, 2). Если еще в IV в. о землевладельце говорится как о «патроне» колона, то в V в. уже как о «господине» (Br. CTh, V, 11, 1 Int). Фюстель де Куланж, утверждая, будто колоны в западных провинциях империи всегда оставались свободными людьми, ссылается на то обстоятельство, что законодательство называет землевладельцев «господами земли» колона, а не «господами колона». Но в источниках, относящихся к V в., можно найти сколько угодно упоминаний о поссессорах, как о «господах» самих колонов (N. Val., XXXI; CI, XI, 48, 12; Br. N. Val., IX Int. и др.). В V в. официальное право рассматривает колона как собственность землевладельца¹.

В течение IV—V вв. неуклонно усиливалась тенденция государственной власти ограничить юридические права колонов, постепенно исключая их из круга свободных граждан, подчиняя их власти крупных и средних землевладельцев. Следует отметить, что подобная политика проводилась по отношению к колонам в течение всего существования Поздней империи, независимо от перипетий ее политической истории. Возможно, что подавление восстаний багаудов конца III в. облегчило Константину задачу закрепощения колонов. Но восстания багаудов в V в. и вторжения «варваров» не мешали последним императорам Западной империи усиливать правовые ограничения колонов. Так, например, к 422 г. относится конституция, лишаящая колонов права заключать какие-либо контракты и обязательства (CTh, II, 30, 2); Валентинианом III изданы были законы, которые сделали принадлежность к разряду колонов бессрочной (N. Val., XXXI) и судьям предоставили право пытать колонов так же, как и рабов, в случае совершения ими некоторых преступлений (N. Val., XXIII) и т. д.

В юридических и литературных источниках Западной империи V в. колоны обычно не рассматриваются более как свободные. Их, наоборот, противопоставляют свободным людям².

Характерно также, что в этот период времени источники нередко исключают колонов из состава сельского плебса (*plebs rustica*), хотя социальное положение последних также не было высоким (см. CTh, XVI, 5, 52; Br. N. Val., V, 3—4; CTh, X, 12, 2; Sid. Apoll., V, 19). Это обособление колонов от свободного деревенского населения не случайно. Как ни беспомощен был мелкий земельный собственник перед притеснявшими его декуррионами и чиновниками, как ни непрочно было положение мелкого прекарриста, все же им, в отличие от колонов, присущи еще главные признаки свободных граждан. Эти представители сельского плебса могли свободно распоряжаться своим имуществом, менять свое местожительство, поступать в армию и на государственную службу, судиться, вступать в брак со свободными людьми и т. д. Разумеется, перегородка, отделявшая их от колонов, была не высока, и превращение мелких земельных собственников и прекарристов в колонов было обычным явлением. Но это был переход к новому качественному состоянию, который фиксировался правом. Новый сьемщик земли крупного землевладельца становился колоном последнего лишь после соответствующего объявления в суде или после 30-летнего пребывания в поместье и занесения в цензовые книги (Br. N. Val., IX, 5; CI, XI, 48, 19). Нельзя поэтому согласиться с утверждением Е. М. Штаерман,

¹ CTh, V, 6, 3 (409г.): ... *proprios colonos*; CTh, V, 18, 1 (419 г.); CI, XI, 48, 8.

² Br. N. Val., IX, 4; CTh, V, 10, 1; CI, XI, 48, 16; X, 71, 3; Ed. Th., § 97; Sid. Apoll., Ep. V, 19.

что в эпоху Поздней империи свободные крестьяне и колонны почти полностью сливаются в одну категорию населения¹.

Источники свидетельствуют, что колонны в V в. во многих отношениях приравняются к рабам. Выше уже отмечалось, что колонны в западных провинциях, подобно сервам, не обладали имущественной правоспособностью. Уголовное право устанавливает одинаковые наказания за ряд преступлений для сервов и колонов (N. Val., XXIII; CTh, XVI, 5, 54; IX, 21, 2); существуют одинаковые правила представления в суд рабов и колонов (Cl, XI, 26, 11; III, 26, 8), розыска их в случае бегства (Br. CTh, IV, 8, 3; LR Burg., VI, 2 и др.). И те и другие лишены права обвинять своих господ перед судом (Cl, XI, 50, 1; 2; Ed. Th., § 48). Сожительство колонов со свободными рассматривается не как законный брак (*matrimonium*), а как сожительство (*contubernium*), не имеющее юридического значения брака (Br. N. Val., IX, 1).

Характерным показателем того, что колонны в V в. не рассматривались более как свободные, может служить и то обстоятельство, что в это время уже имеют место случаи освобождения колонов от их зависимого состояния. Об этом имеются упоминания в письмах Сидония Аполлинария, в источниках V и особенно начала VI века².

Юридические и литературные источники V в. нередко отождествляют статус колонов с состоянием рабства. С конца V в. колонов зачастую обозначают так же, как и рабов, термином *mancipia*³.

Таким образом, совершенно очевидно, что в рассматриваемых провинциях империи колонны в V в. утратили многие существенные черты свободных людей. Это, разумеется, не означает, что эволюция института колоната происходила по направлению к античному рабству или что колонны и рабы V в. не отличались уже друг от друга, как полагают некоторые исследователи⁴. В социальном статусе позднеримского колона сочетались противоречивые черты: имея известное сходство в некоторых отношениях с рабом, колон в то же время существенно отличался от него по своему положению.

Это отличие заключалось прежде всего в том, что колон хотя и не обладал имущественной правоспособностью свободных крестьян, все же был в хозяйственном отношении более самостоятелен, чем посаженный на землю раб. Известно, что колонны продавали свой урожай (очевидно, с ведома и разрешения господ) (CTh, XIII, 1, 10; 3), что в случае хищения урожая с поля колона судебное преследование мог начать как владелец земли, так и сам колон (Ed. Th., § 146). Права колонов на их пекулии считались, очевидно, более прочными, чем у сервов, хотя формально право собствен-

¹ ВДИ, 1952, № 2, стр. 111. Е. М. Штаерман ссылается на CTh, XIII, 1, 3 п 10, в которых сопоставляются крестьяне (*rustici*) и колонны. Но в данных конституциях идет речь лишь о том, что колонны и крестьяне при продаже своего урожая освобождаются от взноса того налога, который платили торговцы.

² Sid. Apoll., Ep. V, 19. Сидоний Аполлинарий соглашается оставить без последствий случай похищения дочери его кормилицы трибутарием его соседа Пудента при условии, что последний освободит этого трибутария: ... *sub conditione concedo si stupratorem pro domino jam patronus originali solvas inquilinatu...* В одном постановлении Арелатского церковного собора от 538 г. указывается, что можно допускать к церковным должностям (*honores*) рабов и колонов лишь после их освобождения (*Ut nullus servilibus colonariisque conditionibus obligatus... ad honores ecclesiasticos admittitur, nisi aut testamento, aut per tabulas constiterit absolutus*).

³ Br. N. Val., XII, 18, Int.; Ed. Th., §§ 80; 84; 142; 152. Cp. S a l v., De gub. dei, V, 8, 44.

⁴ Так, например, В. С. Сергеев писал относительно эпохи домината, что «... правовое различие между рабами и колонами к этому времени совершенно потеряло свое значение...» («Историк-марксист», 1938, № 5, стр. 123).

ности на все имущество и колонов и рабов принадлежало господам. Повидимому, обязательства колонов по отношению к земельным собственникам были тверже фиксированы обычаем поместья, чем у рабов, наделенных землей. Колонов реже отделяли от земли, чем сервов. Колоны привлекались к несению службы в армии, в то время как посылать рекрутами сервов запрещалось законом (СTh, VII, 13, 8). Колонов нельзя было так просто подвергать пытке на суде, как сервов. Уголовное право во многих случаях карало колонов еще по тем же нормам, что и свободных. В отличие от рабов, колоны имели некоторую, хотя и ограниченную, юрисдикцию. Законодательство империи не содержит положений, которые лишали бы колонов, подобно сервам, возможности выступать на суде в качестве свидетелей (Br. СTh, V, 11, 1; Symm., Ep. VII, 56).

Таким образом, несмотря на то, что колоны входят вместе с сервами в состав несвободного земледельческого населения и они сближаются друг с другом по своему положению, грани между ними не стираются и в Поздней империи.

Позднеримские колоны представляли собой новую социальную группу, которая по ряду черт своего общественного положения напоминает средневековых крепостных крестьян. Так же как и средневековые крепостные, колоны — это земледельцы, самостоятельно ведущие хозяйство, находящиеся в поземельной и личной зависимости от собственников земли. Но между положением колонов и крепостных крестьян имеются существенные различия. Колон вел самостоятельно свое хозяйство, но его владение землей и орудиями производства было менее прочно и обеспечено, чем у средневекового крепостного. Все его имущество, в том числе и орудия производства, представляло собой, как указывалось выше, собственность господина, и колон не обладал имущественной правоспособностью. Земельное держание колона также было менее обеспечено, чем впоследствии у крепостных крестьян, особенно в эпоху позднего средневековья. Колон эпохи Поздней империи подвергался в большей мере эксплуатации, чем крепостной крестьянин. Это вытекало не только из различий в экономическом положении данных категорий производительного населения, но также из отличий политической надстройки римского рабовладельческого общества от политической надстройки феодального общества в Западной Европе. Гнет, который испытывал со стороны бюрократического государственного аппарата Римской империи колон V в., был значительно тяжелее, чем бремя, возлагавшееся на крепостного крестьянина феодальным государством эпохи раннего средневековья.

Следует отметить также, что, закрепляя юридически отсутствие у колонов права собственности на орудия производства и подчиняя их землевладельцам, рабовладельческое государство, со своей стороны, препятствовало превращению колонов в непосредственных производителей типа средневековых крестьян. Колон эпохи Поздней империи занимал более низкое социальное положение, чем основная масса крестьян в средневековой Европе. Позднеримский колон жил в обществе, в котором производительный труд еще презирался, как рабское занятие. Колоны не имели никакой своей организации в западных провинциях, в то время как средневековые крепостные в Западной Европе имели общинную организацию — марку, помогавшую им вести борьбу против эксплуататорского класса. Отдельные черты рабского состояния были присущи и положению крепостных крестьян, особенно в период раннего средневековья. Но в статусе колонов удельный вес таких черт рабства, как мы видели, настолько велик, что колоны в некоторых отношениях не отличались от сервов.

Таким образом, необходимо отметить, что, несмотря на известное сходство позднеримских колонов с крепостными средневековья, у нас нет

оснований видеть в колонах новый производительный класс, тождественный классу крепостных крестьян феодального общества. Колонам чужды еще некоторые важнейшие черты крепостных, хотя и присущи отдельные элементы статуса средневековых крепостных. Наличие этих элементов показывает во всяком случае тенденцию развития данной социальной группы в Западной империи.

Мы имели возможность проследить, как объективный процесс экономического развития, процесс зарождения феодальных производственных отношений в недрах римского рабовладельческого общества сказывался на изменении положения различных разрядов земледельческого населения. Совершенно очевидно, что статусу не только колонов, но и рабов и вольноотпущенников в последний период существования империи уже присущи в большей или меньшей степени отдельные черты средневековых крепостных крестьян. Но в то же время на статусе всех указанных разрядов производительного населения лежит еще печать социальных отношений античного общества. Процесс развития новых экономических отношений в Поздней империи проходил в таких условиях, когда базис и надстройка рабовладельческого общества еще не были уничтожены.

Рабство играло еще важную роль в экономике и оказывало большое влияние на форму новых, зарождавшихся экономических отношений. Ни рабам, ни колонам не принадлежала, в отличие от средневековых крепостных, единоличная собственность на орудия производства и свое частное хозяйство, основанная на личном труде. Либертины-земледельцы обладали в известной мере такой собственностью, но положение их было неустойчивым, значительная часть их легко могла быть возвращена в рабство и не могла свободно распоряжаться своим имуществом.

Норма прибавочного продукта, который взимался с непосредственных производителей указанных категорий в форме государственных налогов и повинностей, оброков и барщины в пользу земельных собственников, была настолько высока, что у земледельца не было такой заинтересованности в труде, какая впоследствии была у крепостного крестьянина.

Таким образом, хотя мы наблюдаем в обществе Поздней империи элементы зарождающейся феодальной собственности, но не имеем оснований считать, что она уже вытеснила рабовладельческую форму собственности, что последняя была в IV—V вв. уже лишь «пережитком».

Развитие феодальных производственных отношений тормозила надстройка рабовладельческого общества, его правовые и политические взгляды и учреждения. Сюда можно отнести, например, правовые нормы, предоставлявшие земельному собственнику возможность распоряжаться имуществом колонов, либертинов и рабов, посаженных на землю; сохранившееся еще презрительное отношение к труду, как к рабскому занятию; наличие вплоть до второй половины V в. римского рабовладельческого государства, превратившегося «... в гигантскую сложную машину исключительно для высасывания соков из подданных»¹. Сохранение этого государства еще более увеличивало норму эксплуатации непосредственных производителей.

Все это означало, что формирование нового производительного класса в рамках римского общества периода Поздней империи встречало серьезные препятствия. Своего полного развития новые экономические отношения смогли достичь лишь после уничтожения рабовладельческого государства, после падения Западной империи. Мы можем усмотреть в положении указанных групп непосредственных производителей рабовладельческого

¹ Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, 1952, стр. 153.

общества признаки разложения античного рабства и развития процесса феодализации. Но известные нам данные об отношении сервов, либертинов и колонов к средствам производства, об их роли в производстве и распределении продуктов не позволяют утверждать, будто указанные категории непосредственных производителей слились друг с другом и, «изменив свою классовую природу», превратились уже в эпоху империи в некий новый класс. Авторы, полагающие, что в Поздней империи место старых классов рабовладельческого общества заняли новые классы — крупные землевладельцы и зависимые земледельцы (т. е., по существу, — основные классы феодального общества), не учитывают в должной мере и то обстоятельство, что феодализм в Западной Европе возник как синтез римских и германских отношений. Следует помнить, что поселение на территории империи «ваваров» сыграло огромную роль в развитии процесса феодализации в Западной Европе. «Между римским колоном и новым крепостным стоял свободный франкский крестьянин» (Ф. Энгельс, ук. соч., стр. 161).

В эпоху раннего средневековья в Западной Европе снова сложились классы крупных землевладельцев и зависимых крестьян, но положение последних коренным образом отличалось от положения позднеримских колонов, рабов и либертинов. «Отношения между могущественными землевладельцами и зависимыми от них крестьянами, эти отношения, которые в Риме вели к безысходной гибели античного мира, становились теперь исходным моментом нового развития» (там же). Производительные силы смогли теперь выйти из того тупика, в котором они оказались в последний период существования Римской империи, и их рост явился основой общественного развития эпохи феодализма.

